

© 1997 г., ЭО, № 1

Современная антропология и генетика и проблема рас у человека / Р е д. И. М. З о л о т а р е в а, Г. А. А к с я н о в а. М., 1995. 244 с.

В сборник вошло семь статей, подготовленных сотрудниками отдела антропологии Института этнологии и антропологии РАН. Более или менее подробно я рассмотрю лишь некоторые из них. И это вовсе не потому, что остальные не заслуживают особого внимания. Просто существуют темы, которыми я сам специально занимался и о которых я могу говорить со знанием дела, и есть такие, которые далеки от моих научных интересов и о которых я имею лишь самое общее представление. И, конечно, статьи, в которых рассматриваются близкие мне проблемы, будут в центре внимания.

Наибольший интерес представляет для меня статья А.А. Зубова «Проблемы внутривидовой систематики рода "Homo" в связи с современными представлениями о биологической дифференциации человечества», которой открывается сборник. Эта работа тесно примыкает к другой статье того же автора «Дискуссионные вопросы теории антропогенеза», которая была опубликована в журнале «Этнографическое обозрение» (1995, № 6). И так как они по существу посвящены одним и тем же проблемам, то я буду их рассматривать вместе.

Эти статьи, как и все другие работы А.А. Зубова, отличает прекрасное знание фактического материала и современного состояния антропологической мысли. От его внимания не ускользает ни одно сколько-нибудь значительное антропологическое открытие, сделанное в последние годы. Хуже, мне кажется, обстоит у него с интерпретацией этого материала. Здесь автор проявляет значительный конформизм, безоговорочно принимая многие господствующие в современной западной науке точки зрения. Ему представляется, что эти точки зрения вытекают из фактов. Мне же представляется, что дело обстоит далеко не так.

Еще сравнительно недавно большинство антропологов под *Homo sapiens* понимало человека современного физического типа, считалось также, что он возник примерно 35–40 тысяч лет тому назад и что именно с его появлением связан тот грандиозный переворот в развитии материальной и духовной культуры древних людей, который известен как переход к позднему (верхнему) палеолиту. К настоящему времени положение резко изменилось.

Сейчас многие антропологи на основании ряда находок пришли к выводу, что люди современного физического типа появились в Африке примерно 120–150 тысяч лет назад, оттуда довольно скоро проникли на Ближний Восток и затем 35–40 тысяч лет назад расселились вначале по всему Старому Свету и примерно тогда же или чуть позднее достигли Австралии и Нового Света. А.А. Зубов полностью разделяет этот взгляд.

Однако хотя такое представление является господствующим, оно вызывает множество вопросов. Прежде всего совершенно непонятно, почему появление человека современного типа никак не сказалось на культуре вообще, на каменной технике в особенности. Орудия, которые принадлежат ранним людям, относимым к нашему анатомическому типу, ничем существенным не отличаются от орудий их современников, которых к нему не причисляют. Далее. Появившись 150–120 тысяч лет назад люди современного типа вдруг куда-то исчезают. Нет ни одной находки таких людей, которые бы относились ко времени между 90 и 40 тысячами лет. А затем где-то между 40 и 30 тысячами лет они появляются по всему Старому Свету от Западной Европы до Индонезии и Тайваня, что сопровождается появлением более высокой позднпалеолитической культуры. Спрашивается, где они были в течение 50–60 тысяч лет и почему только 30–40 тысяч лет тому назад, а не раньше раскрылись их умственные и физические возможности. Ответа на эти вопросы никто не дает. Более того, сторонники данной точки зрения делают вид, что таких вопросов вообще не существует.

Могут сказать: причем тут эти вопросы, когда существует факт бытия людей современного типа 120–150 тысяч лет тому назад. Но в том-то и дело, что такого факта не существует. Имеется лишь определенная интерпретация небольшого числа находок (Летоли-18, Мумба, Элиа-Спрингс, Бордер-Кейв и др.). Однако с такой интерпретацией фактов согласны далеко не все антропологи. Они указывают, что принадлежность ряда находок к человеку современного типа нельзя считать доказанной, что крайне спорной является датировка некоторых из них. Есть и такие ученые, для которых неясен ни их тип, ни время, в которое они жили¹.

И тем не менее большинство антропологов категорически настаивает на том, что появление современного человека в Африке 120–150 тысяч лет тому назад – абсолютно достоверный факт. И исходя

из этого, как из абсолютной истины, они делают ряд далеко идущих выводов. Один из них состоит в том, что не существует жесткой корреляции между физическим типом человека и его каменным инвентарем. Это выдается за факт. Но в действительности это неизбежный вывод из предвзятой идеи – идеи раннего появления современного человека. Если этого вывода не принять, то сама идея рухнет.

Другой вывод состоит в допущении длительного сосуществования во времени людей, «относящихся к разным этапам эволюции» (с. 22–23). И это тоже выдается за непреложный факт. В действительности это прежде всего вывод из предвзятой идеи раннего появления современного человека. Чтобы подкрепить его, утверждается, что с современными людьми длительное время сосуществовали не только неандертальцы и другие близкие к ним формы, но и архантропы (с. 23, 26, 38) из Рабата, Сале, Сиди-Абдеррахмана, Темара, Брокен-Хилл. Правда, в одном месте А.А. Зубов замечает, что к числу архантропов Брокен-Хилл относят только некоторые австралопитеки (с. 23). Но о том, что точно так же обстоит дело и с другими названными находками, он молчит.

Это отнюдь не значит, что вообще нет фактов, свидетельствующих о сосуществовании людей, относящихся к разным стадиям эволюции. А.А. Зубов совершенно прав, когда говорит о сосуществовании в Европе в период между 30–40 тысячами лет назад людей трех типов: 1) классических, типичных неандертальцев, 2) людей современного типа, 3) форм, промежуточных между первыми и вторыми. Предположение о том, что в этот период шел процесс трансформации классических неандертальцев в людей современного типа и что промежуточные формы суть переходные формы от первых ко вторым, большинство антропологов категорически отбрасывает на том основании, что люди современного типа возникли еще 120–150 тысяч лет назад, гораздо раньше типичных неандертальцев, которые появились лишь около 65–70 тысяч лет назад. Значит, делается вывод, промежуточные формы – результат метисации между жившими в Европе типичными неандертальцами и пришедшими в то время извне людьми современного типа. И опять-таки тут мы имеем дело с выводом из предвзятой идеи, а не с фактом. Это автор в отличие от большинства западных антропологов осознает. Правда, на одной из страниц статьи А.А. Зубов объявляет метисацию между современными людьми и неандертальцами фактом доказанным (см. с. 7, 22). Однако дальше он себя поправляет и везде говорит лишь о возможности и вероятности такой метисации, не больше (с. 22, 24, 25).

Большинство же западных антропологов исходит из метисации как абсолютно достоверного факта и делает отсюда еще один вывод. Раз между неандертальцами и людьми современного типа возможна метисация, значит они принадлежат не к двум разным биологическим видам, а к одному, который следует именовать *Homo sapiens*. Люди современного физического типа образуют один подвид этого вида – подвид *Homo sapiens sapiens*, типичные неандертальцы другой подвид этого же вида – подвид *Homo sapiens neanderthalensis*. Этот вывод А.А. Зубов полностью принимает. Но, как мы видели, твердых оснований для этого нет. Метисация – лишь предположение, но не факт. Но даже если бы она была доказана, то это отнюдь не основание считать людей современного типа и неандертальцев представителями одного биологического вида. Ведь известно, что и скрещивание между двумя биологическими видами может привести к появлению плодовитого потомства.

Исходя из предвзятого предположения о принадлежности людей современного типа и неандертальцев к одному виду и стремясь обосновать его, А.А. Зубов стремится по возможности преуменьшить анатомические различия между первыми и вторыми (с. 20–21). Он прав, когда говорит, что в прошлом эти различия чрезмерно преувеличивались (с. 20). Кстати сказать, это делали люди, которые стремились доказать, что типичные неандертальцы ни в коем случае не могли быть предками людей современного типа: уж слишком велики между ними морфологические отличия. Они исходили из предвзятой идеи. Теперь новая предвзятая идея диктует преуменьшение этих различий.

На самом деле между анатомией современных людей и неандертальцев имеются существенные различия. И причисление первых и вторых к одному биологическому виду не имеет под собой прочной фактической основы. Оно диктуется логикой предвзятой идеи. И дальше – больше. Некоторые западные антропологи предлагают включить в вид *Homo sapiens* и архантропов (*Homo erectus*). И А.А. Зубов сочувственно относится к этой идее, хотя и не решается ее пока принять (с. 21–22, 38–40). Думаю, что наиболее отвечающей фактам остается та систематика людей, которая в свое время была предложена нашим выдающимся антропологом Г.Ф. Дебецем. Согласно его взглядам все люди образуют один род – род *Homo*, который подразделяется на два подрода. В первый из них входят два вида: *Homo erectus* и *Homo neanderthalensis*, во второй – только один вид – *Homo sapiens*². А.А. Зубов оставляет без решения вопрос о месте в систематике вида *Homo habilis*, допуская в то же время возможность включения его в род *Homo*. Мне уже приходилось много раз доказывать, что хабилисы являются не людьми, а поздними предлюдьми. Поэтому включение их в род *Homo* было бы ошибкой³.

Та же самая предвзятая идея требует стирания не только эволюционной, но и культурной грани между неандертальцами и людьми современного типа. Вместе с типичными неандертальцами обнаружены памятники, свидетельствующие о существовании у них зачатков социальных норм, религии, искусства. Ничего даже отдаленно похожего не обнаружено ни у людей, которые объявлены ранними *Homo sapiens*

sapiens, ни у их современников. Поэтому с неизбежностью приходится допустить, что по уровню интеллекта типичные неандертальцы несколько ни уступали людям современного физического типа (с. 20–21).

Таким образом, господствующие ныне в западной антропологии идеи о происхождении людей современного физического типа и об их отношении к людям иных типов, во-первых, не имеют под собой прочной фактической базы, во-вторых, не только не способны объяснить многие факты, но исключают их объяснение.

С иных же позиций эти факты достаточно легко объяснимы. Мне уже приходилось писать, что эпоха антропосоциогенеза, которая совпадает с ранним палеолитом, прежде всего подразделяется на два основных периода, первый из которых длился с момента возникновения архантропов (*Homo erectus*), что произошло примерно от 1,6 млн. лет назад до 200–300 тысяч лет тому назад, когда появились люди иного, более совершенного типа – палеоантропы. В свою очередь в развитии палеоантропов можно выделить следующие стадии: 1) ранних палеоантропов, 2) поздних палеоантропов (типичных неандертальцев) и 3) позднейших палеоантропов.

Характерной чертой ранних палеоантропов, которые просуществовали с 200–300 до 70–75 тысяч лет, было сочетание в их морфологическом облике архаичных, неандерталоидных и сапиентных (т.е. присущих *Homo sapiens* в старом понимании этого словосочетания) черт. И имеются основания полагать, что те находки, которые выдаются за ранних *Homo sapiens sapiens*, в действительности принадлежат к числу ранних палеоантропов, отличавшихся от остальных представителей этой группы более резко выраженными сапиентными признаками.

Собственно это вовсе не ново. Когда в Европе были сделаны находки людей в Сванскомбе и Фонтешеведе, датируемые миндель-риссом и рисс-нормом, то их на основании наличия у них резко выраженных сапиентных признаков объявили пресапиентами, резко отличными даже от ранних неандертальцев, не говоря уже о поздних (типичных) неандертальцах. В последующем эти находки вместе с находками в Штейнгейме и некоторыми другими неоднократно объявляли премустьерскими и раннемустьерскими представителями вида *Homo sapiens* (в старом смысле этого термина). Теперь если их и объявляют *Homo sapiens*, то в новом смысле термина. *Homo sapiens sapiens* никто их не считает.

Нельзя в этой связи не отметить, что и в случае с ранними африканскими находками, объявляемыми самыми настоящими *Homo sapiens sapiens*, тоже началось известное отступление. От них все чаще и чаще начинают отличать тех людей современного физического типа, которые появились 35–40 тысяч лет и живут сейчас. В англоязычной литературе для обозначения последних сейчас используют термин «современный человек» (*modern man*), по своему смыслу полностью совпадающий с термином *Homo sapiens* в старом его значении.

Как я в свое время попытался показать, в силу ряда причин ранние неандертальцы утеряли сапиентные черты и трансформировались в типичных неандертальцев. Этот процесс в основном завершился 65–70 тысяч лет тому назад. С такой же неизбежностью в последующем началось превращение типичных неандертальцев в людей современного типа, что произошло 30–40 тысяч лет назад. Позднейшие палеоантропы были переходными формами от типичных неандертальцев к современным людям, о чем свидетельствуют все особенности их морфологической организации⁴.

В эту картину укладываются все имеющиеся факты, не исключая находки в Сен-Сезаре типичного неандертальца вместе с орудиями позднего палеолита. Эта находка была истолкована сторонниками господствующей сейчас точки зрения, включая и А.А. Зубова, как доказательство отсутствия жесткой корреляции между физическим типом человека и каменным инвентарем и резкой культурной грани между неандертальцами и современными людьми (с. 20). Но как я уже указывал, возможно и совершенно иное объяснение этого единичного явления⁵.

Излагая взгляды на происхождение современного человека, А.А. Зубов говорит о моноцентризме, согласно которому эти люди появились в результате развития лишь одной из ветвей, и полицентризме, согласно которому существовало несколько независимых центров. При этом он не упоминает еще об одной точке зрения – теории панюквенного происхождения современного человека⁶. Это тем более непонятно, что, как он убедительно показывает, все фактические данные свидетельствуют в пользу последней концепции.

Во второй статье «Расы человека в краниологической классификации населения тропического пояса» (автор А.П. Пестряков) исходит из точки зрения, состоящей в том, что человечество подразделяется не на три, а на четыре большие расы (расы первого порядка): две тропические 1) собственно экваториальная, включающая в себя западных экваториалов (африканские негроиды) и восточных экваториалов (меланезийцы, нануасы и ряд изолированных групп – андаманцев, семанги, аэта) и 2) веддо-астралоидная, подразделяющаяся на веддоидов (население Индийского субконтинента) и австралоидов (аборигены Австралии), и две внетропические 3) монголоидную и 4) европеоидную.

В центре внимания А.П. Пестрякова – краниология. Им еще раньше был сделан вывод, что краниологический анализ как таковой нужно отделять от расового. Все современное население земли им было подразделено по абсолютной величине и форме черепной коробки на три основных типа: тропиды,

голарктиды и пацифиды. Ареал экваториальной и веддо-австралоидной рас в основном совпадает с территорией расселения тропидов. Европеоды являются голарктидами. Сложнее обстоит дело с монголоидной расой. Континентальные монголоиды (вместе с европеоидами) относятся к голарктидам, тихоокеанские монголоиды и американоиды к пацифидам. Данная статья посвящена детальному анализу всех имеющихся данных о краниологии тропидов.

Третья статья «Принципы организации пространственного поведения у человека и высших приматов (сравнительный анализ)» – плод совместной работы М.Л. Бутовской и Ю.М. Плюснина. Она написана с позиций социобиологии. Последняя представляет собой не особую науку, а концептуальное направление, по-своему интерпретирующее материалы целого ряда естественных и общественных наук. Суть этой концепции состоит в отрицании существования качественного, принципиального различия между людьми, с одной стороны, и животными, с другой. С этой точки зрения человек – один из видов животных. И он отличается от всех других видов животных не больше, чем эти виды друг от друга. Общество, социальные связи – не представляют собой специфически человеческого явления. Они существуют у многих видов животных. Поэтому изучение этих связей у животных может пролить свет на поведение человека. Исходя из этого, авторы исследуют «пространственное поведение», с одной стороны, в группах трех видов макак, с другой, в группе детей пятилетнего возраста. Статья содержит массу таблиц и графиков (социограмм).

Затем авторы приводят примеры «пространственного поведения» у различных видов обезьян и делают вывод, что «ведущие принципы пространственного поведения обезьян – в условиях жестких (деспотических) структур – избегание, в условиях гибких (демократических) структур – ориентация на формирование максимального числа пространственных связей, по всей видимости, применимы также и для характеристики человеческих обществ» (с. 135). Приводят авторы и примеры «пространственного поведения» в первобытном обществе (индейцы мексиканского племени бамбути, бушмены, хадза, аборигены Австралии и др.), а также целый раздел посвящают рассуждениям об этом же поведении в индустриальном обществе.

В заключении авторы выражают надежду, что результаты их исследований могут «способствовать более глубокому пониманию процессов эволюции конкретных социальных структур, выявлению глубинных связей между различными культурными традициями, установлению черт сходства в культурах разных народов» (с. 139). А такое понимание, считают они, «может иметь практический вывод, позволяя избежать существенной доли социальной напряженности и конфликтности в межэтническом общении» (с. 139).

Увы, эту надежду я не разделяю. Убежден, что исследования авторов ровным счетом ничего не могут дать для понимания функционирования и развития ни одного из человеческих обществ. Авторы до деталей знают поведение обезьян. И пока они ограничиваются его описанием, все хорошо. Но как только они переходят к его истолкованию, то начинаются беды. Авторы явно социализируют, очеловечивают животных. И в этом они не оригинальны. Авторы просто повторяют то, что излагается в работах западных социобиологов. Еще хуже, когда они не просто описывают поведение внутри небольшой искусственно созданной группы детей, а обращаются к поведению людей в обществе, в соционистическом организме. Сути общества они совершенно не понимают. Если животных они очеловечивают, социализируют, то людей – биологизируют. И это никак не вытекает из фактов. Такая логика диктуется принятыми на веру догмами социобиологии.

Авторы, например, много говорят об огромной роли родства в определении поведения как животных, так и людей. При этом под родством они понимают генетическое, биологическое родство. В действительности же отношения родства, которые влияют на поведение людей, а иногда и определяют его, суть связи вовсе не биологические, не генетические, а социальные и только социальные.

Об этом неопровержимо свидетельствует хотя бы тот несомненный факт, что на протяжении истории человечества отношения родства изменялись, эволюционировали, одни формы родства сменялись иными, качественно отличными. Изменение отношений родства выразилось в переменах в системах терминов родства. Системы родства «австралийского» («дравидского») типа сменялись «инокесскими» системами, те дали начало, с одной стороны, «гавайским» («малайским») системам, с другой – «арабским», а те и другие эволюционировали в сторону «английских» систем родства.

И важно подчеркнуть, что менялись не просто системы терминов, изменялось само родство. Первоначальное человеческое родство было групповым (классификационным), а не индивидуальным, и лишь много времени спустя на смену пришло родство линейно-степенное (описательное). Существенно менялись и родственные организации. Материнский род у многих народов сменялся отцовским. На смену унитарным группировкам пришли билатеральные (билатеральные), причем самых различных видов. Затем у большинства народов корпоративные родственные группы вообще исчезли. И все эти изменения никакого отношения к биологии не имели. Генетическое родство оставалось у человека тем же самым, что и у животных. Оно ничуть не изменилось. Знают ли обо всем этом авторы? Возможны два варианта ответа: совсем не знают; знают, но не желают принимать во внимание. В любом случае это лишает их построения в этой области всякой научной ценности.

О своеобразии подхода авторов красноречиво свидетельствует хотя бы открытие ими демократии у обезьян. Это совершенно недопустимая экстраполяция обществоведческих категорий на мир приматов.

Четвертая статья написана целой группой исследователей (Н.Х. Спицына, В.А. Спицин, Р.Г. Агапова, С.Б. Боева, И.С. Афанасьева). Ее название – «Генетические взаимоотношения центральноазиатских монголоидов с соседними и более отдаленными народами по комплексу маркеров генов». В ней основное внимание уделено проблеме генетического положения монголоязычных групп населения Российской Федерации среди ближайших этнических соседей и территориально более отдаленных народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии. Авторы сделали интересные выводы, которые позволяют лучше понять процессы этногенеза, проходившие в этом обширном регионе.

Новаторскими и ценными являются статьи Г.Л. Хить и Н.А. Долиновой «Дерматоглифика татар Евразии» и Г.А. Аксяновой «Тенденции в расово-антропологических процессах в многонациональной среде (на примере большого города)». В статье Н.И. Халдсейвой «Расогенетические аспекты изучения эстетического предлечения морфотипа» предпринята попытка подойти с позиций науки к тому, что принято именовать идеалами мужской и женской красоты.

В целом большинство статей сборника, несомненно, представляют большой научный интерес и поэтому выход его можно только приветствовать.

Примечания

¹ См.: *Stringer Ch.B. Exploring Modern Human Origins: Progress and Prospects // Current Anthropology. 1992. Vol. 33. № 5. P. 602; Krantz G.S. Resolving the Archaic-to-Modern Transition // American Anthropologist. 1994. Vol. 96. № 1. P. 150.*

² *Дебец Г.Ф. О систематике и номенклатуре ископаемых форм человека // Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры. 23. 1948.*

³ См.: *Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. М., 1989.*

⁴ *Семенов Ю.И. Как возникло человечество. 1966; ego же. На заре человеческой истории.*

⁵ *Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. С. 286–287.*

⁶ Там же. С. 276–291.

Ю.И. Семенов

© 1998 г., ЭО, № 1

Современная антропология и генетика и проблема рас у человека / Р е д. И. М. З о л о т а р е в а, Г. А. А к с я н о в а. М., 1995. 244 с.

За последние три-четыре десятилетия в антропологии широко распространились методические приемы, заимствованные из других биологических наук – физиологии, биохимии, генетики (в том числе популяционной), иммунологии, этологии и др. Однако при этом антропология не утратила своей специфики как единой и целостной науки. Используя указанные методы, подчас далекие от традиционных методик, она решает свои специфические задачи, а не проблемы тех наук, методы которых она применяет. Содержание рецензируемого сборника в значительной степени отражает данное положение. С этих позиций его название представляется мне не вполне удачным: наряду с антропологией в нем фигурирует и генетика как самостоятельная наука, в то время как сборник по своей проблематике – антропологический. Даже в статье Н.Х. Спицыной, В.А. Спицына и др. с «генетическим» названием авторы с помощью генетических маркеров решают сугубо антропологические, в частности расоведческие, проблемы.

Сборник открывается теоретической статьей А.А. Зубова «Проблемы внутривидовой систематики рода Homo в связи с современными представлениями о биологической дифференциации человечества». Статья интересна прежде всего тем, что показывает, как сравнительно быстро (на протяжении нескольких десятилетий) существенно, а иногда даже коренным образом, меняются взгляды исследователей. Еще в 30-40-50 и даже 60-е годы XX в. стадийная концепция антропогенеза, и в том числе неандертальская стадия эволюции, казались столь же незыблемыми, как закон всемирного тяготения. А в настоящее время эти концепции подверглись настолько коренной ревизии, что если не отвергнуты полностью, то все же многими считаются анахронизмом. Причина тому – новые факты, в том числе новые палеоантропологические и археологические открытия, новые точные методы определения абсолютного возраста (древности) ископаемых находок, новые подходы и методы изучения и интерпретации старого палеоантропологического материала.

Особое внимание автор уделяет проблеме классификации палеоантропологических находок и систематике ископаемых гоминид. Исходя из выдвинутого им положения о том, что «систематика человека является ветвью великого древа таксономии всего животного мира», А.А. Зубов справедливо указывает на то, что многие авторы руководствовались философскими установками о непроходимой пропасти между гоминидами и остальными животными. В связи с этим таксономические построения, относящиеся к

гоминидам, оказались в значительной степени изолированными от зоологической систематики и ее принципов. В частности, это выражалось в том, что каждая новая палеоантропологическая находка возводилась в ранг нового вида, а иногда даже рода. Это не могло не создать полного хаоса в антропологической номенклатуре. Однако на смену «дробителей» таксономических единиц пришли «объединители», наиболее ярким представителем которых был Б. Кэмпбелл, выделивший в пределах рода *Homo* только два вида: *Homo erectus* и *Homo sapiens*, причем в последний включались в качестве новых подвидов человек современного физического типа и неандерталец.

А.А. Зубов, приводя аргументы сторонников идеи включения неандертальцев в вид *Homo sapiens* в качестве подвида (*Homo sapiens neanderthalensis*), склонен присоединиться к этой концепции, считая, что факты в ее пользу достаточно убедительны. Между тем, несмотря, казалось бы, на почти всеобщее распространение среди исследователей этой концепции, включение неандертальцев в вид современного человека, на мой взгляд, не может не вызвать многих возражений. Не только из-за ностальгии по сравнительно недавнему прошлому, когда понятие неандертальской фазы прочно укрепились в сознании большинства антропологов благодаря классическому труду А. Хрдлички¹ и выдающимся исследованиям советских антропологов (Я.Я. Рогинский², М.А. Гремяцкий³, В.П. Якимов⁴ и др.). Дело еще в том, что морфологические различия (особенно в строении черепа) между разными формами неандертальцев настолько разительны, что включать их в один вид, сводя различия между ними к подвидовым, представляется совершенно невозможным. Примитивность этих гоминид по сравнению с *Homo sapiens* совершенно очевидна: это, бесспорно, более низкий уровень эволюции человека. В несколько меньшей степени примитивные черты в строении черепа присущи и ранним западноевропейским палеоантропам типа «Эрингсдорф-Штейнгейм». Аргументы, указывающие на «интеллектуальный» уровень неандертальцев, приближающихся, по мнению сторонников этой концепции, к уровню *Homo sapiens*, не могут считаться достаточно убедительными. Если уж быть последовательным, то надо иметь в виду, что интеллектуальное развитие никогда не может служить критерием зоологической систематики. Главным аргументом обычно считается нахождение костных остатков классического неандертальца в Сен-Сезере (Франция) в сопровождении орудий типа Шательперрон, а также открытие в пещере Кебара (Израиль) скелета неандертальца в могильной яме. Но орудия шательперронского типа не отражают самой сущности верхнепалеолитической культуры, являясь скорее переходными между мустье и верхним палеолитом, и поэтому их изготовление могло быть доступным и неандертальскому человеку. Что же касается «могильной ямы» в Кебаре, то находки в ней с большой натяжкой можно считать свидетельством существования похоронной обрядности у неандертальского человека.

В статье А.А. Зубова рассматриваются фундаментальные проблемы не только эволюционной истории человека, но и формирования человеческих рас. Заслуживают внимания взгляды автора о «метисации» между представителями разных стадий эволюции человека и о «сетевидном» характере эволюции рода *Homo* на всех этапах его становления с участием восточного и западного стволов человечества. И хотя автор считает себя в общем моноцентристом, его концепция, как мне кажется, в какой-то степени является компромиссной между поли- и моноцентрической, так как, по его мнению, локальные варианты древних гоминид сыграли ту или иную роль в формировании основных расовых типов человечества.

Статья А.А. Зубова, отражающая современное состояние научных представлений в области эволюционной истории человека, дает богатую пищу для размышлений.

А.П. Пестряков в статье «Расы человека в краниологической классификации населения тропического пояса» предпринял интересную и, с моей точки зрения, в высшей степени удачную попытку дифференциального анализа большой экваториальной расы с помощью основных краниометрических признаков и их соотношений, характеризующих общие размеры и форму мозговой коробки.

Если еще сравнительно недавно почти единственным источником расовой диагностики краниологического материала служили признаки лицевой части черепа, то в последнее время внимание исследователей опять начинают привлекать особенности формы и структуры мозговой коробки. Достаточно указать на работы Ю.Д. Беневоленской⁵, М.И. Урысона⁶, показавших возможности использования соотношений дуг сагиттального свода черепа в качестве расоразграничительных признаков больших рас. В то же время попытки найти такие признаки на мозговом отделе черепа наталкиваются на значительные трудности хотя бы потому, что сама структура этого отдела, будучи строго детерминированной всем ходом эволюционной истории человека, налагает достаточно жесткие границы на внутривидовую (расовую) изменчивость величины ее элементов и частей.

С этой точки зрения новаторская работа А.П. Пестрякова заслуживает самого пристального внимания. Насколько мне известно, в антропологической литературе вообще отсутствуют труды, посвященные столь подробно краниологическому исследованию экваториальной расы и ее подразделений.

А.П. Пестряков внес новаторский элемент и в представления о классификации человеческих рас. Так, он считает возможным разделить большую экваториальную (негро-австралоидную) расу на две большие расы. Таким образом, в классификационной системе, убедительно обоснованной автором, насчитываются четыре большие расы: две тропические (собственно экваториальная и веддо-австралоидная) и две

внетропические (европеоидная и монголоидная). Автор идет еще дальше: внутри собственно экваториальной большой расы он выделяет два ареально изолированных варианта: западные экваториалы (африканские негроиды) и восточные экваториалы (папуасы, меланезийцы, семанги, аэта, андаманцы). Внутри веддо-австралоидной большой расы он выделяет также два варианта: собственно веддоиды (население Индийского субконтинента) и австралоиды (коренное население Австралии). Особое место в расовой классификации А.П. Пестрякова занимает капоидная раса (бушмены и готтентоты), которая, по его мнению, лишь весьма условно может быть отнесена к экваториальной расе.

Помимо указанных новаций, предложенных автором, он широко использует введенное им ранее в научный оборот понятие панэйкуменных краииологических типов – голарктиды (европеоиды и континентальные монголоиды), тропиды (негроиды и веддо-австралоиды) и пацифиды (восточные монголоиды и американские индейцы), что должно привлечь внимание исследователей, работающих в области теоретического расоведения.

Основная и наиболее трудоемкая часть исследования посвящена конкретному краииологическому анализу тропидов, основанному на изучении более 60 краииологических серий, охватывающих африканских негроидов, папуасов, меланезийцев, негритосов, веддоидов и австралоидов. Дифференциальный анализ групповой изменчивости внутри тропидов ведется по 12 метрическим признакам мозговой коробки черепа.

В результате проведенного исследования автор убедительно показал, что основные диаметры мозговой части черепа, соотношения между ними, общие размеры и форма мозговой коробки могут служить группоразграничительными признаками внутри большой, в данном случае экваториальной, расы или тропидов. Автор далее пишет, что в основе группоразграничительной силы использованных им краииометрических признаков лежат разные ростовые тенденции основных диаметров черепа в процессе онтогенеза.

Новаторский характер работы А.П. Пестрякова бесспорен, и в этом заключается существенный вклад ее в теоретическое расоведение. Кроме того, она ярко демонстрирует неисчерпаемые возможности традиционных морфологических и статистических методов анализа для выявления межпопуляционных соотношений.

Статья Н.Х. Спицыной, В.А. Спицына, Р.К. Агаповой, С.Б. Боевой и И.С. Афанасьевой, озаглавленная «Генетические взаимоотношения центральноазиатских монголоидов с соседними и более отдаленными народами по комплексу маркеров генов», является поучительным примером использования генетических методов для решения антропологических проблем. Авторы задались целью определить место монголоязычных народов среди монголоидных групп Азии.

Проделав огромную работу по сопоставлению результатов авторского исследования бурятского населения по большой группе генетических маркеров (группа крови, эритроцитарные ферменты и многие другие) с аналогичными литературными данными по большинству монголоидных групп Восточной и Центральной Азии (в том числе китайцев, корейцев, японцев) и применив кластерный и компонентный анализы, авторы пришли к выводу, что буряты занимают обособленное положение среди других монголоидных групп Восточной и Центральной Азии, о чем свидетельствует изолированное положение бурятского кластера. Далее авторы пришли к заключению об антропологической гомогенности бурятской популяции в целом. При сопоставлении семи крупных монголоидных групп Азии по десяти генетическим локусам, монголы и буряты оказываются объединенными в единый субкластер, что свидетельствует об их явном генетическом родстве.

Особый интерес представляют результаты по генетическому исследованию калмыков. Согласно предварительным данным о положении калмыков в системе народов Центральной и Восточной Азии по шести генетическим локусам, оказалось, что калмыки образуют отдельный кластер, объединяясь на родословном древе вместе с монголами и бурятами. Примечательный вывод! Народы, разделенные огромным пространством, но, безусловно, имеющие общее происхождение, в генетическом отношении представляют собой единое целое. Заметим, что данный результат подтверждает и укрепляет результаты классического расового анализа, проведенного в свое время Д. Аншиловой и И.М. Золотаревой. Это лишний раз доказывает огромное значение методов генетики в решении проблем этнической и расовой дифференциации человечества.

Главный вывод авторов данной статьи, согласно которому бассейн реки Янцзы служит географическим поясом, дифференцирующим восточных и центральноазиатских монголоидов, с одной стороны, и юго-восточных монголоидов, с другой, можно считать большим шагом вперед в деле изучения расо- и этногенетических процессов на Азиатском континенте.

Статья Г.Л. Хитъ и Н.А. Долиновой «Дерматоглифика татар Евразии», авторы которой являются хорошо известными специалистами в области применения дерматоглифической методики к исследованию проблем этнической и расовой антропологии, вновь свидетельствует о том, насколько многогранны и разнообразны методы современной антропологии и насколько они отличны от традиционных методов классической антропологии.

Авторы исследовали по дерматоглифической методике пять групп татар: крымских, казанских, татар-мишарей, астраханских и сибирских. В общей сложности исследовано около 4000 чел. Для сравнения использованы также данные по другим этносам. В качестве биометрических приемов обработки полученных данных применены кластерный и компонентный анализы.

В итоге они выделили два полярных варианта: европеоидные кавказские группы и монголоидные сибирские, что, по мнению авторов, позволяет установить генетические связи одних групп в основном с европейскими популяциями, а других – с азиатскими монголоидными популяциями при наличии переходных групп. Дифференциация исследованных групп по дерматоглифическим признакам совпадает с их дифференциацией по расосоматическим признакам, что подтверждает важное значение дерматоглифических признаков для расовой диагностики.

Очень интересным опытом в теоретическом и научно-методологическом отношении является исследование Г.А. Аксяновой антропологических процессов, происходящих в больших городах. Результаты его Г.А. Аксянова изложила в очень информативной, содержательной и, я бы сказал,носящей ярко выраженный творческий характер статье под названием «Тенденции в расово-антропологических процессах в многонациональной среде (на примере большого города)».

Город – весьма своеобразный феномен. Он является конгломератом самых разнообразных этнических, лингвистических и расовых групп и всегда многонационален, а в антропологическом и генетическом отношении может быть очень пестрым. Миграционные процессы в нем достаточно интенсивны. По этой причине крупные города не являются зеркалом антропологического состава и расогенетических процессов, происходящих на прилегающих к ним территориях. Ведь не случайно антропологические (в том числе и расоведческие) исследования проводятся главным образом в сельских местностях, где население однородно, постоянно и не подвержено существенным генетическим влияниям извне.

Работа Г.А. Аксяновой представляет особый познавательный интерес, потому что подобное исследование в известной степени носит междисциплинарный характер и вовлекает в свою сферу не только собственно антропологические данные, но также и факты из области демографии, социологии и даже философии.

Не вдаваясь в методику исследования, которая, с моей точки зрения, очень строга, оригинальна и интересна (автор обследовал в г. Тбилиси 1800 школьников обоего пола, в том числе 1200 детей от грузино-смешанных браков), мне бы хотелось остановиться на выводах Г.А. Аксяновой, весьма любопытных в силу своей неожиданности. Казалось бы, в таком крупном городе, как Тбилиси, население уже а priori должно быть необычайно смешанным, даже перемешанным, ибо межэтнические границы должны были бы рухнуть. Однако, как весьма убедительно показал автор, популяция города не характеризуется панмиксией, несмотря на значительный процент смешанных, межэтнических браков.

Автор приходит к очень важному и глубокому, с методологической точки зрения, выводу, что ожидаемые неизбежное перемешивание и потеря специфики генофондов не учитывают многообразия социальных факторов, действующих в городском обществе. По мнению Г.А. Аксяновой, переплавка расовых комплексов в промежуточные комбинации не имеет места в тех городах, где проживают достаточно большие по численности этнические группы, имеющие высокий уровень этнического самосознания. Как видим, фактор этнического самосознания является как бы тормозом, сдерживающим антропологическую и этническую интеграцию. Как нам представляется, это очень глубокий вывод, затрагивающий сущность исследуемой проблемы.

Главный же вывод работы гласит, что основной характеристикой расово-антропологических процессов, происходящих в многонациональной среде большого города, является соотношение двух тенденций – дифференцирующей и интегрирующей.

Работа Г.А. Аксяновой, представляющая собой пример глубокого междисциплинарного исследования, заслуживает очень высокой оценки и должна привлечь внимание не только антропологов-расоведов и генетиков, но и специалистов в смежных с антропологией областях знания, а также социологов, демографов, лингвистов и других представителей общественных наук.

Еще две статьи, включенные в сборник, стоят как бы особняком от главного эволюционно-исторического и расово-антропологического руслу проблематики.

В статье М.Л. Бутовской и Ю.М. Плюснина поднимаются вопросы пространственного поведения высших приматов и человека. Исследование в основе своей, с точки зрения методики и методологии, этнологическое. Но выводы работы, как мне представляется, могут иметь немаловажное значение для понимания структуры сообществ у высших приматов и возможности экстраполяции этих данных на те явления и процессы, которые в конечном итоге привели к возникновению социальных отношений у древнейших гоминид, обусловивших в дальнейшем становление человеческого общества.

Представляют интерес этнографические данные о территориальном поведении у народов Африки и аборигенов Австралии. Авторы полагают, что изучение пространственного поведения в сообществах высших приматов и человека может способствовать более глубокому пониманию процессов эволюции конкретных социальных структур, выявлению глубинной связи между различными культурными традициями, установлению черт сходства в культурах разных народов. Понимание данной проблемы и использование знаний об этнокультурных особенностях пространственного поведения могут иметь практический выход, позволяя избежать конфликтности в межэтническом общении, достигнуть большего взаимопонимания между представителями разных культур.

Таким образом, данное исследование, по-видимому, имеет выход не только в приматологию, но и в некоторые этноантропологические и этнологические проблемы.

Сборник включает статью Н.И. Халдеевой «Расогенетические аспекты изучения эстетического предпочтения морфотипа».

Автор статьи широко известен своими работами в области одонтологической антропологии. Однако в последние годы Н.И. Халдеева занимается исследованиями, представляющими собой новое и притом, с нашей точки зрения, оригинальное и перспективное (особенно в плане пограничных антрополого-психологических исследований) направление в антропологии – антропозетику. Оно исходит из положения, что эстетический фактор, представление о красоте играли существенную роль как на ранних этапах эволюционного становления человека, так и особенно в процессе расообразования, когда физиономический комплекс существенно изменялся. Фактор предпочтения того или иного морфотипа или, напротив, избегания его, по всей вероятности, играл не последнюю роль в подборе брачных партнеров, а следовательно, в процессах, протекавших внутри популяций и в межпопуляционных взаимоотношениях.

Данное конкретное исследование проводилось на основе иной по сравнению с зарубежными программами, которая включала индивидуальный опрос мужчин и женщин по специальным комплексам отдельных черт внешности – цвету волос и глаз, форме носа и пр. Были обследованы группы русских Вологодской, Тверской, Костромской областей, Ставропольского края, а также литовцы, башкиры, татары, марийцы, коми, мордва, чуваша, калмыки, китайцы.

В результате исследования удалось установить меру соответствия предпочитаемого морфотипа (идеала красоты) мужчин и женщин реальным морфотипам данной популяции. Общепопуляционный мужской идеал в большинстве групп оказался близок к реальному морфотипу. Общепопуляционный же женский идеал красоты существенно отклоняется от реального типа.

Таково содержание рецензируемого сборника.

Книга содержит множество таблиц, рисунков, графиков и другого иллюстративного материала, отлично воспроизведенного, издана на хорошей бумаге. Оформление книги, особенно обложки (художник Е.В. Орлова), производит самое благоприятное впечатление. Во всем этом видится значительный вклад ответственной за издание Г.А. Аксяновой и, конечно, Российского гуманитарного научного фонда, по проекту которого книга подготовлена и издана.

В общем и целом рецензируемый сборник, авторами которого являются ведущие отечественные антропологи, актуален по своей проблематике, статьи написаны на высоком теоретическом уровне и, бесспорно, представляют ценный вклад в науку о человеке.

Примечания

¹Hrdlička A. Neanderthal Phase of Man // Journal Royal Anthropol. Inst. of Great Britain and Ireland. 1927. Vol. 57.

²Рогинский Я.Я. К вопросу о периодизации процесса человеческой эволюции // Антропологический журнал. 1936. № 3.

³Гремяцкий М.А. Череп ребенка-неандертальца из грота Тешик-Таш // Палеолитический человек. М., 1949.

⁴Акимов В.П. Европейские неандертальцы и проблема формирования Homo sapiens // Кр. сообщения Ин-та этнографии АН СССР. Вып. 9. М., 1950.

⁵Беневоленская Ю.Д. Проблема этнической краниологии. Л., 1976.

⁶Урысон М.И. Соотносительная изменчивость компонентов сагиттального свода черепа у современного и ископаемого человека // Вопр. антроп. Вып. 34. 1970.

М.И. Урысон

© 1998 г., ЭО, № 1

В.И. Бушков, Д.В. Микульский. Анатомия гражданской войны в Таджикистане (этносоциальные процессы и политическая борьба, 1992–1995). М., 1996. 169 с. 1 карта.

В конце 1996 г. в Москве при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований вышла книга В.И. Бушкова и Д.В. Микульского «Анатомия гражданской войны в Таджикистане». Выход книги, на наш взгляд, является заметным событием для российской этнологии и востоковедения. Во-первых, это одно из первых достаточно масштабных и комплексных исследований российских этнографов и востоковедов, посвященных постсоветскому Востоку. Во-вторых, следует подчеркнуть, что, обобщив обширный фактологический материал, авторы книги делают попытку осмыслить этносоциальные процессы и политическую борьбу в Таджикистане в 1992–1995 гг. в контексте истории и культуры этого региона.